

Мои шляпы

*Если ты собираешься купить три шляпы,
отрасти вначале еще пару голов.*

Mel Gibson

Знаете, чем отличается писатель от литератора? Вот, например, Владимир Ульянов в анкетах писался литератором, хотя оставил после себя пятьдесят пять томов далеко не полного (!) собрания сочинений. И почему он не писатель? Предположительно, ответ содержится в 44 томе ПСС. Отвечая на десятый вопрос анкеты Всероссийской переписи членов РКП(б), вождь мирового пролетариата объяснил всю свою жизнь в двух лаконичных выражениях:

**10. а) Имеете ли какие-либо религиозные верования (убеждения)? (да, нет) какие именно:
Нет.**

б) Если Вы неверующий, то с какого возраста: С 16 лет.

Владимир Ильич во всём педант, что сказалось и в его ответе на подвопрос «б»: его сташему брату Александру Ульянову смертный приговор был вынесен 19 апреля 1887 года (н.с.), то есть всего за три дня до семнадцателетия Володеньки. Этот день, когда ещё шестнадцатилетний Володя Ульянов перестал верить в Бога, и есть тот день, когда для династии Романовых, а с ней и для Российской империи наступило начало конца. Именно с этого дня он литератор, причём безжалостный и богохульный.

Если писателю, который может довольствоваться своей фантазией, не нужна реальность, то литератор с реальности кормится. Вот почему писатель может исписаться, когда отпущенный ему запас фантазии иссякнет, а литератор не испишится никогда. Наконец, писатель полагает, что ему есть, что сказать, как минимум современникам, усовершенствовать их, сделать лучше. Без твёрдой веры и фантазии тут не обойтись. Помните, у Тарковского в «Сталкере», исписавшийся, не верящий в Бога писатель признаётся, что хотел переделать читателей, а переделали его самого. Писатель – это когда по Толстому: «Не могу молчать!» В жизни наоборот, если можешь не писать, не пиши.

Классическое литературоведение имеет представление о писателе одной книги, даже при том условии, что потом им были созданы другие произведения. Классический пример – Джером Сэлинджер, написавший два десятка отличных рассказов, известен одной лишь повестью «Над пропастью во ржи». В русской литературе – это Грибоедов, написавший несколько пьес в соавторстве, но в литературе оставшейся единственно собственным «Горем от ума». В музыке – это Consuelo Velazquez, автор супер хита «Bésame mucho», хотя она писала песни и до и после *крепкого поцелуя*. Короче говоря, писатель одной книги – это автор, которому на большее не хватает личного опыта и творческой энергии, сиречь фантазии. Вот почему неверующий Владимир Ульянов не писатель – для веры в Бога нужна фантазия, – а только литератор, но зато с полсотней томов собрания сочинений.

Я тоже литератор, но по другим соображениям: на старости лет, эксплуатирую кое-какой жизненный опыт. Нужно ли пояснять, что качественная эксплуатация опыта требует веры и

минимальной фантазии? Смею надеяться, что есть у меня толика того и другого, чтобы не скатиться в графоманство.

Теперь о количестве. Знал я одного критика, про которого говорили, что он не пишет только, когда пѣсает, и то потому что обе руки заняты. Неправда: пишут не руки, а, условно говоря, голова. И вот тут есть точка соприкосновения двух процессов: единожды начав думать – сочинять, остановиться трудно, практически невозможно. Начав справлять малую нужду невозможно остановиться, куда не иссякнет источник. Писатель, у которого иссякла фантазия, с чисто физиологической точки зрения, жалок, и нет ему утешения, а особенно, когда вера там и не ночевала.

Юрий Олеша, который не мог ни дня прожить без строчки, разумеется, преувеличение. С другой стороны под финал творческой биографии Игорь-Северянин признавался, что стихов больше не пишет, а делает им аборты. Разумеется, кокетство.

Вот и все, чем автор вкратце
Упреждает свой рассказ,
Необычный, может статья,
Странный, может быть, подчас.
Но – вперед...

Лучше, чем Александр Трифонович Твардовский, и не скажешь, потому что недостойн звания писателя автор, объясняющий читателю, почему он не может не писать.

* * *

Что может быть банальнее, чем шляпа как головной убор? Как средство прикрыть плешь от солнца, непогоды, нечистот или чужих глаз, как емкость для сбора пожертвований или же милостыни. В зависимости от головы носителя шляпа есть несомненный символ мужественности или неопикуемой женственности. Шляпой можно гордиться, и тогда это чрезвычайно важный аксессуар в гардеробе. Образ Индианы Джонса в исполнении Харрисона Форда будет уцербным без знаменитой шляпы. Кстати, у меня есть такая модель китайского производства, причем весьма недешевая, потому что качество выше всяческих похвал: фетр, подклад, форма, гроссгрейн – лента поверх тульи, внутри кожаный бэнд, который впитывает влагу от головы, не давая ей стекать на лоб и глаза. Одним словом совершенное произведение шляпного искусства. К шляпе есть аксессуар – хлыст, хотя и не такой крутой, как Форда.

Отдельно следует сказать похвальное слово широкополым шляпам позднего средневековья. Французские короли могли себе позволить шляпу как роскошный аксессуар, но для персонажей вроде Атоса и Портоса шляпа была важным предметом личной гигиены. Шляпа как зонтик от солнечных лучей, но пуще того, как зонтик от нечистот средневекового города. Нам трудно представить, как благородный Арамис, раскланиваясь с дамой, делает шляпой замысловатые па и при этом с неё в разные стороны разлетаются вонючие нечистоты. Увы,

но исторические шевалье источали скверные запахи от полей шляпы и до подмётки ботфорт – тот самый случай, когда сверху кака, а снизу бяка.

Чопорные лондонские денди платили специальный налог за право ношения цилиндра. А вот название складного цилиндра – шапокляк нам знакомо исключительно по мульту про Чебурашку. (Вредная старуха по имени Шапокляк есть повод серьёзно призадуматься над фантазиями автора.) Функция головного убора типа шапокляк – фокус: стукнул тульей о колено и это уже не цилиндр, а жалкое подобие безналогового канотье. Надо отдать должное британские шляпники быстро обошли амбиции парламента, и вскоре в моду вошли безналоговые котелки. Безумные шляпники придумали безналоговый котелок. В советской традиции цилиндр – это главный внешний признак буржуа: ешь, сука, ананасы и рябчиков жуй. День твой последний... Ну, и так далее.

Безумие шляпника в Стране чудес описал Льюис Кэрролл. Шляпник безумный потому что в процессе выделки фетра дышит парами ртути. Шляпник страдает депрессивной тревожностью и хроническим нарушением памяти. Его подводит координация движений, выпадают зубы, мучают боли в суставах, у него бывают странные видения – галлюцинации вроде кошачьих улыбок или курящих гусениц. Беззубому шляпнику с его ртутным безумием многое позволено и многое прощается, а особенно прощается, когда его руки помнят ремесло.

Отдельно следует сказать о пробковом шлеме – панамке или каске. Им мы обязаны британским колониальным шляпникам в Индии, которые додумались изготавливать шляпы не из фетра, а из мягкой и лёгкой губчатой древесины кустарника *shola*, обшивая их светлой холщовой тканью. Шола. – это низкорослый горный лес в долинах между холмистых лугов в высокогорных регионах Южной Индии. Шлем из коры настоящего пробкового дерева был бы невыносим по весу, но название олично приклеилось к шола. Ныне шлем является редкостью и в нашем слякотном климате отчасти выпендрёжем, а вот во время оно пробковый шлем носили офицеры британских колониальных войск и чиновники в Индии. Пробковой панамкой пользовались французские колонизаторы в Юго-Восточной Азии. Шлемом пользовались в армии Роммеля во время африканской компании. В начале прошлого века шлем был неотъемлемым атрибутом справа офицеров казачьей сотни, охранявшей Русскую дипломатическую миссию в Пекине. И у меня есть такой. На мой вкус аксессуар несколько жестковат для любителей фетра, но на палящем солнце его не заменит никакая бейсболка или даже классическая армейская панама советского образца. Есть в пробке нечто такое, что невозможно заменить другим материалом.

Кроме того, пробковый шлем как настоящая шляпа выпрямляет спину, придаёт движениям уверенность и грацию, повышает самооценку. И помните, что этот аксессуар требует обязательного дополнения в виде тонких кожаных перчаток, офицерского стэка, короткого гибкого хлыстика для лошади или изящной трости, разумеется, при условии, что трость – это тоже аксессуар, а не костыль. Мне было лет семнадцать, когда я поступил в массовку фильма «Сломанная подкова». Меня обрядили вполне по образу второй половины XIX столетия, приклеили усы, подобрали сюртук и цилиндр, выдали трость. Уж и не помню кто из помрежей потратил на меня полчаса драгоценного рабочего времени, чтобы научить

правильному обращению с тростью. В фильме мой цилиндр и трость мелькнут секундно на заднем плане, но сам урок не прошёл даром. У трости много функций, например, указать направление, начертить на земле план, постучать в дверь, послужить дополнительной опорой, окоротить невежу и даже отбиться от хулиганов, тростью можно фехтовать. Главное же, что при движении трость служит регулятором темпа ходьбы: по ритмичным прокидам трости, фактически маятника, можно засекают время и определять расстояние. Перчатки нужны, чтобы рукоять или головка трости не липла к вспотевшим рукам и не мешала движению маятника. Говорят, что Пушкин пользовался тяжёлой чугунной тростью, чтобы на поединке не дрогнула рука с дуэльным пистолетом, что сегодня в общем-то уже неактуально. Однако фейк: известно несколько тростей, принадлежавших поэту и все они, увы, из ореха.

Мой старинный приятель сочинил теорию, согласно которой Номо превратился в Sapiens, когда придумал в целях личной гигиены подтирать задницу растительными фрагментами. Теория вполне в духе социального дарвинизма. Однако с моей точки зрения, панамка из пальмовых листьев на голове внезапно просветлённого и поумневшего Номо была бы уместнее. Тем более, что учёные до сих пор не в состоянии объяснить по какой такой причине далёкий предок Номо – знаменитое некогда недостающее звено, лишившись обезьяньей растительности в целом, тем не менее сохранил волосяной покров на голове, лице, подмышками и в паху. Прозрение учёных состоит в том, чтобы на жаре не сопрело, а на холоде не отмёрзло. Естественная терморегуляция так сказать. Знаете, всё это как-то сомнительно.

Впрочем, я слегка увлёкся. Лет сорок тому назад брат пригласил меня на обед в России. Прежде чем сесть в Нарве на автобус до Ивангорода, мы заглянули на местный рынок. Повинуясь наитию, купил роскошную широкополую фетровую шляпу, с кожаным бэндом, но без подклада и, увы, беспородную. В тот день я шикарным жестом пристроил новую шляпу в гардеробе ресторана «Витязь». Особенная прелесть этой шляпы состоит в том, что сделана она была в Германской Демократической Республике. Страны уж нет, и безумных в ней шляпников тоже нет, а шляпа до сих пор цела. Иногда я выгуливаю ее и каждый раз с мыслью слегка растянуть основание тульи – немного жмёт с годами. Череп раздался что ли?

С этой шляпой связан забавный случай. В Таллинн приехал Михаил Горбачёв, кстати, единственный из четырёх генсеков, которого я видел живьём, а не в гробу. Вместе с Арнольдом Рюйтелем 19 февраля 1987 года Горбачёв посетил фабрику «Marat». Я пошёл взглянуть на него из любопытства – он был четвёртым и пока ещё живым. Большой чёрный членовоз стоял багажником к проходной фабрики. Мелкий колючий снежок противно задувало февральским ветерком прямо в лицо. Ждать, однако пришлось недолго. Вдруг выходят Рюйтель и Горбачёв и собираются сесть в членовоз, каждый со своей стороны: Горбачёв спиной ко мне, Рюйтель лицом. Внезапно в лицо дохнуло ледяными колючками и я инстинктивно потянулся поправить шляпу. Взялся за тулью и вдруг вижу, что Рюйтель приподнимает свою шляпу и здоровается со мной. Одновременно в мою сторону поворачивается Горбачёв, приподнимает свою меховую шляпу-пирожок и глазами ищет, кого это Рюйтель удостоил такой чести.

Ситуация объяснилась мгновенно. Товарищи сели в членовоз и покатали, а стоявшая вокруг меня массовка в лыжных шапочках прямо на ходу ловко утрамбовалась в распахнутую боковую дверь рафика. Про магическую шляпу из Хогвардса никто тогда и понятия не имел. Однако магия всё же имела место: с Пушкина в аналогичной ситуации няня сняла картуз, а моя шляпа сняла шапки сразу с двух государственных деятелей!

Другая шляпа тоже была беспородной, но мне она нравилась за округлый верх тульи и опущенные поля – что-то усреднённо европейское, бархатно чёрное и благородно заношенное. Я тогда часто бывал в разъездах и мягкие поля не мешали дремать в самолётах и автобусах. Кончилось тем, что я забыл её в такси по дороге в аэропорт, кажется в Москве, но прежде шляпа трижды отметилась в Брюсселе.

Это была поездка для провинциальных эстонских журналистов на какой-то там семинар по повышению квалификации. Меня запихнули в группу из соображений политкорректности, хотя есть у нас один писатель, который много лет пеняет мне протекцией государственных органов. Первый раз торкнуло, когда продавец хот-догов исполнил дикий танец на противоположной стороне улицы, пытаясь привлечь внимание моих спутников. Второй раз торкнуло, когда молодой коллега не смог в специализированном магазине найти плёнку для своей камеры. Двадцать минут он вел переговоры с продавцом и вернулся ни с чем. Пришлось вмешаться. Нужная плёнка нашлась моментально. Третий раз торкнуло в ресторане. Из дюжины членов эстонской делегации гардеробщик выбрал меня. Бесцеремонно растолкал прочих и с полупоклоном принял мой плащ и шляпу. Магия, однако!

В ресторане приключился забавный кунштюк. Я набрал с ледяной горки устриц и принялся поливать их соком из лимонных долек. Молодой эстонский коллега с традиционным жареным лососем на тарелке, поинтересовался чем это я так занят. Уразумев, что эту серую бесформенную гадость тоже можно есть, принёс себе несколько штук на пробу. Это было удивления достойное время, когда интеллект среднего эстонца априори считался на порядок выше русского, время, когда автохтоны стали вполне европейцами, оставаясь при этом эстонцами. Поэтому, когда русские выжимают лимон на устриц руками, цивилизованные эстонцы пользуются специальным девайсом: салфеткой, специально смоченной лимонным соком и упакованной в аккуратный пакетик. Я испытал культурный шок, когда мой юный vis-à-vis попытался отжать на устриц салфетку для рук.

В гардеробе я понял в чём было дело: дело было в шляпе. Гардеробщик не был заточен на вязанные лыжные шапочки – атрибут мигрантов, иное дело шляпа европейского образца. Марроканец с хот-догоми безошибочно опознал эстонцев в лыжных шапочках: свои! Бельгиец в магазине не захотел обслуживать лыжную шапочку мигранта и включил дурку. К шляпе же он отнёсся со всем уважением. Воистину встречают по одежке!

Потом шляпы были на какое-то время отставлены в сторону. В моде была кепка-жириновка. Моя была пошива фирмы «Legion» и до сих пор жива. Поистёрлась, треснул козырёк, штопана не раз, но жива. При этом я искренне скорблю по невесть где и при каких обстоятельствах утраченной кепке-хунвейбинке, привезённой из Китая. Она мне очень нравилась своей брутальностью и была мне к лицу. В Копенгагене в Христиании дочка

уговорила меня купить классическую кепку шестиклинку. Когда я пожаловался на дороговизну, она мудро заметила: «Зато всегда будешь помнить, где мы ее купили». И я помню. Ношу и помню.

Есть у меня в запасе ещё несколько историй про головные уборы, а если бы и не было, то как настоящий писатель я бы включил фантазию на полную мощность. Ну, вы уже поняли, что не соревнуюсь я с творцами од, которые... В любви и в слове — правда мой закон, как некогда сказал великий Шекспир, пером Самуила Маршака. У меня есть три папахи и первая из них имеет свою интересную историю. Была двуголка с серебряной канителью, штатского образца, с великолепно сохранившимся шёлковым подкладом, и тоже со своей историей. Сейчас она в частном военном музее. Есть генеральская фуражка из СССР, оставшаяся в Германии после ликвидации Западной группы войск. Однажды её залили строительной пеной. Залили некритично, позолота не пострадала, но товарный вид был утерян. Я получил её в качестве бонуса. Пришлось изрядно повозиться, чтобы очистить и реставрировать бэнд. Старался не зря: фуражка оказалась с историей, а досталась даром.

А ещё есть соломенная китайская шляпа с надписью «Great Wall» на grosgrain. Классическая английская Grosgrain – это простая плетёная ткань в виде ленты, обычно матово-чёрная с отливом, реже цветная, используется для украшения тульи. Шляпа-невидимка была привезена мной в качестве сувенира непосредственно с Великой стены. Однажды жена из наилучших побуждений целую неделю пыталась уберечь меня от палящего турецкого солнца, уговаривая носить на публике этот китайский ужас. Я сдался в последний день и случилось чудо: назойливые торговцы на променаде перестали меня замечать. За руку не хватают, в глаза не заглядывают скидки не обещают, потому что к русскому мудаку, который носит на голове китайскую солому приставать резона нет. Это всё равно, как надеть сандали с носками на дипломатический раут или явиться в дорогой ресторан с брюками, заправленными в носки. А ещё яркий галстук при пиджаке и варёных джинсах. По одежке встречают...

* * *

В детстве у Володеньки была теплая вязаная шапка с медвежьими ушками, доставшаяся в наследство от Сашеньки. Ушки Володя передал брату Митиньке. В юности Володя носил гимназическую фуражку. После университета пробел. В Праге и в Лондоне мы видим Владимира Ильича в буржуазном котелке. В Разливе – простая рабочая кепка. В Горках – ушанка. В жизни ему было наплевать, чем плешь прикроется, лишь бы процесс писания не прекращался.

Брат Александр принципиально не просил царя о снисхождении, но позволил чтобы это сделали за него другие:

«Я вполне сознаю, что характер и свойства совершённого мною деяния и моё отношение к нему не дают мне ни права, ни нравственного основания обращаться к Вашему Величеству с просьбой о снисхождении в видах облегчения моей участи. Но у меня есть мать, здоровье которой сильно пошатнулось в последние дни и исполнение надо мною смертного приговора

подвергнет её жизнь самой серьёзной опасности. Во имя моей матери и малолетних братьев и сестёр, которые, не имея отца, находят в ней свою единственную опору, я решаюсь просить Ваше Величество о замене мне смертной казни каким-либо иным наказанием».

А теперь представьте себе, что брата Сашу высочайше помиловали и сослали на каторгу. Мать как декабристка последовала бы за ним, а Володя ушёл в монастырь замаливать грехи брательника. Там принял постриг и полюбил скуфейку. Возможно, выслужил бы архиерейский клобук или даже митру. И не было бы у нас многотомного *пэ-эс-эс*, а жили бы мы в царстве без катастрофических провалов в генофонде. И всё у нас было бы не так, как нынче, то есть не через жопу. Да и мы сами были бы другими, если бы некогда студенческая фуражка пришлась юноше Ульянову впору.

Печально, что самодержавию элементарно не хватило милосердия и фуражки по размеру. А в Симбирске не нашлось духовника, способного помочь юноше сохранить в трудной жизненной ситуации веру в Бога. Вот к чему вся эта история со шляпами.